
А. В. Дружинин

Письмо Иногородного Подписчика о русской журналистике. XXVIII Отрывок

Поспешаю перейти к самой капитальной новости последнего месяца и, вероятно, всего нынешнего года, именно — к большой комедии господина Островского, помещенной в четвертом номере «Москвитянина», под названием: «Бедная невеста». Несколько предварительных, хотя, может быть, скучных рассуждений, будут не лишними перед разбором этого замечательного произведения, при всех недостатках.

Где-то я заметил, что одна из причин безнадежного бессилия нашей новой критики заключается в совершенном непонимании того простого умозрения, что в литературе, еще юной и не совершенно развитой, каждое новое произведение, кроме его безусловной ценности, имеет еще ценность *относительную*, важную для своего времени и для круга деятелей, может быть, весьма обыкновенных, если их судить строго, с помощью того же критериума, который годен для писателей первоклассных, но полезных и милых, если взять в соображение труды и заслуги большинства литературных деятелей данного периода. Это-то непонимание относительной ценности новых произведений вовлекало и вовлекает наших критиков не только в целую пучину ребяческих ошибок, но даже набрасывает на них, может быть, незаслуженную, тень пристрастия и недобросовестности. Усиленно разглядывая одну и ту же эпоху, анализируя одних и тех же авторов, поглощая одни и те же пять журнальных книжек в месяц, критики привыкли не видеть ничего вне этого весьма недостаточного и слабого журнального мира; для них удачная повесть, достойная уважения с относительной точки зрения, быстро принимает размеры великие и художественные, а какая-нибудь крайне поверхностная ученая статья кажется верхом эрудиции, Геркулесовыми столпами человеческой премудрости! Давно замечено, что если верить нашим аристархам, в нашей новой словесности и науке нет никаких посредственностей, — всюду блистает мудрец и художник или везде гнездятся труженики, вредные и бездарные! Каждые пять лет из мраку выдвигается несколько десятков прославленных имен, и почти каждое из имен этих опять погружается в мрак и совершенно забывается публикой. Если б составить список великим художникам, блистательным женщинам-писательницам, глубочайшим мыслителям, явившимся в русской словесности хотя за последние пятнадцать лет, — список вышел бы неизмеримый и удивил бы собой всякого француза, всякого немца, всякого англичанина! Незнание благоразумной середины руководило ценителями, и вот почему их-то суд не ценится в свою очередь.

Неловкость такого детски восторженного воззрения на литературу и журналистику становится до крайности ясна и ощутительна, когда на сцену выходит новый писатель, с дарованием высоким и несомненным, писатель, достойный суда совершенно безусловного, потому что труд его имеет не одну относительную,

но прочную и долговечную важность. Ценитель путается и не знает, что делать: он столько превознес пигмеев, что чувствует себя не в своей тарелке перед человеком обыкновенного роста; он так искажил и измелчил свое воззрение, что из него ничего не может сделать прочного и нового. И тут-то обыкновенно рождаются две крайности; или он падает во прах перед новым, действительно замечательными писателем, превозносит его наряду с Гомером, Шекспиром и Дантом, — или силится подвести новое лицо под один уровень с только что прославленными им карликами. Между слепыми кривые всегда повелители, но нельзя же отвергнуть и той истины, что человек с обоими глазами достоин стоять выше кривых. Загорается раздор и полемика, и — человек с обоими глазами первый от нее страдает! — У него четыре глаза, — говорят его поклонники, — это феномен, это диво создания! — Не правда! — отвечают враги поклонников, — у него только один глаз и мы желаем посадить его между одноглазыми!

Подобного роду участь уже встретила господина Островского, писателя с средствами не *относительными*, как у всех почти современных нам деятелей на поприще изящной словесности, а с дарованием могучим, сильным, созданным на то, чтоб *остаться* в словесности. В Москве Островского уже успели, как кажется, поставить выше Шекспира; в Петербурге о нем отозвались тем же тоном, как отозвались недавно о госпоже Тур, авторе романа «Племянница»... И долго дела будут идти таким образом, и долго еще наш блистательный драматург будет прогуливаться из Скиллы в Хариду, то витая в сообществе *мировых поэтов*, то опускаясь в лимбы, где копошатся, шумят, меряются, прославляются, царапаются, сплетничают и забываются публикою наши современные «художники» мужеского и женского полу.

Потому-то, приступая к разбору «Бедной невесты», я должен сказать, что смою на это произведение не теми глазами, которыми привык смотреть на все драматические и беллетрические произведения, являвшиеся в наших журналах, с самого начала моих писем о журналистике. Если б наши периодические издания представляли публике хоть раз в треть года по одному подобному произведению, тон моих писем был бы иной и взгляд мой на журналистику изменился бы радикально. И вот почему, и хваля, и осуждая господина Островского, я гляжу на него как на товарища лучших русских и иностранных комиков, а вовсе не как на сверстника современных нам петербургских и московских художников.

Содержание «Бедной невесты» чрезвычайно просто, и это мне кажется недостатком: лишая свое творение драматического разнообразия и интересу, автор сделал его почти неудобным для представления. Вот в чем состоит вся интрига комедии. «Бедная, добрая, но плаксивая вдова Анна Петровна имеет хорошенькую дочку, Марью Андреевну, невесту-бесприданницу, на которую, с весьма извинительным эгоизмом матери, рассчитывает как на средство поправить свое бедное состояние. Между тем проходят года, женихов хороших не оказывается, состояние расстроивается, старушка начинает уже прибегать к свахам, сама выискивать женихов и упрекать дочку в излишней разборчивости. Между значительным количеством бедной молодежи, влюбленной в Марью Андреевну, девушке более всех кидается в глаза Владимир Васильевич Мерич, пустой и хвастливый мальчишка, не способный ни на какую привязанность, мизерный по душе, глупый по всем своим поступкам, не имеющий ни характера, ни силы воли, ни даже уважения к девушке, его отличившей. Понятно, что подобного роду привязанность не может кончиться счастливо: разгадав своего избранника, совершенно убедившись в его ничтожестве, Марья Андреевна выходит замуж за грубого и необразованного, но достаточного человека, некоего Беневоленского, взявшего на себя хлопоты по делу ее матери».

Читатель немного бы узнал о новой комедии господина Островского, если бы я рассказал ее содержание и несравненно подробнее: здесь главное дело не в замысле, а в подробностях. Верность большей части характеров изумительна, сцены придуманы ловко, каждое лицо говорит своим языком, языком живым, истинным и увлекательным. Выписки из пьесы лучше всего подтвердят справедливость моих слов. Возьмите, например, начало комедии.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья Андреевна (*сидит за пяльцами*) и Анна Петровна (*на диване*).

Анна Петровна. Вот тут и живи, как знаешь. Как бы папенька-то твой не мотал без памяти, так бы другое дело было, а то оставил нас почти ни с чем. Дела все запутаны, тут тяжба еще!.. Вот дом-то отнимут, что тогда делать-то? Ты только подумай, как мы тогда жить-то будем!.. А что я? Мое дело женское, да я и не знаю ничего: я сама привыкла за людьми жить. (*Молчание.*) Хотя бы ты замуж, что ль, Маша, шла поскорей. Я бы уж, кажется, не знала, как и Бога-то благодарить! А то как это без мужчины в доме!.. Это никак нельзя.

Марья Андреевна. У вас ведь, маменька, уж один разговор.

Анна Петровна. Что ж такое не говорить-то! От слова-то тебя убудет, что ли? На-ка поди, уж и говорить-то нельзя. Что такое, в самом деле!

Марья Андреевна. Разве я виновата, маменька, что мне никто не нравится?

Анна Петровна. Как это не нравится, я не знаю; это так, каприз просто, Маша.

Марья Андреевна. Какой же каприз, маменька? Кто за меня сватался, вспомните хорошенько, что это за люди?

Анна Петровна. Что ж делать-то, Машенька? Что ж делать-то, друг мой? Где ж нам тебе красавцев-то взять? Нынче хорошие-то женихи всё денег ищут, не хотят видеть, что ты у меня красавица. Куды это я табатерку засунула, уж и не знаю! Посмотри-ка там на столике... Пстой, здесь, в кармане. Нет уж, как бы, кажется, тебя не полюбить! Все ветер в голове-то у молодых людей. Да, признаться сказать, ведь и ты-то очень разборчива. А ты подумай, ведь у нас не горы золотые — умничать-то не из чего!

Марья Андреевна. Хорошо, хорошо.

Анна Петровна. Да что хорошо-то?

Марья Андреевна. Я подумаю.

Анна Петровна. Да о чем думать-то, скажи ты мне, сделай милость. Додумаешься до того, что просидишь в девках.

Марья Андреевна. А что ж за беда такая?

Анна Петровна. Глупа еще ты, вот что. (*Сидит надувшись. Молчание.*) Что это, ей-богу, хоть бы Платон Маркыч пришел. Уж я и не знаю, что мне делать-то. Вот был чулок, вот где теперь чулок?

Марья Андреевна. Вот, маменька, чулок.

Анна Петровна (*вяжет чулок*). Неидет Платон Маркыч, да и только; что хочешь, тут и делай.

Марья Андреевна. Да зачем вам, маменька, Платон Маркыч понадобился?

Анна Петровна. Как зачем? Что мы знаем, тут сидя-то; а он все-таки мужчина. Буточник бумагу какую-то приносил, кто ее там разберет? Вот поди ж ты, женское-то дело какое! Так и ходишь, как дура. Вот целое утро денег не сочту. Как это без мужчины, это я уж и не знаю, тут и без беды беда. Возьми-ка, Маша, бумажку да посчитай мне деньги-то, сделай милость.

Марья Андреевна. Говорите, я и так сочту.

Анна Петровна. Пстой, Маша. Заторопишь ты меня — я опять собьюсь. Где это бумажка-то у меня? Дай бог памяти... Вот она! Пстой — нашла. Вот, сочти возьми. Давеча считала, считала на счетах — либо целкового не хватает, либо два лишних, а уж Дарью лучше не заставляй. Да уж и в голове-то все не то. Дело-то меня беспокоит очень, об доме-то нужно с Платоном Маркычем поговорить. Все-таки мужчина.

А вот еще несколько строк из последнего действия, где автор обрисовывает перед нами разные лица, сбежавшиеся смотреть свадьбу Марьи Андреевны с Беневоленским.

Дарья, официант и Добротворский.

Добротворский. Ты что это, любезный, несешь?

Официант. Чай-с.

Добротворский. А рому-то что же не захватил?

Официант. Сперва так обнесем-с.

Добротворский. Эх, братец! Не знаешь ты, кого чем потчевать. Ишь, все деловые люди собрались, со светлыми пуговицами сидят.

Официант. Дарья Семеновна, пожалуйста рому-с.

Дарья. Что там еще! О! Чтоб вас! Рому, что ль?

Официант. Рому требуют-с. *(Берет бутылку и ставит на поднос.)*

Добротворский. Дай уж и мне, я тут к сторонке сяду, на просторе пуншику попью. *(Берет чашку и садится на диван.)*

Официант уходит в дверь направо. Входит женщина в капоте и в платке.

Женщина в капоте. Танцы будут, матушка? Барышня прислала спросить. У нас, матушка, семь барышень. Беспременно, говорит, узнай: коли танцы будут, так и мы придем посмотреть.

Дарья. Будут, будут. О! Чтоб вас тут!

Женщина уходит. Входят несколько лиц и проходят к двери направо; в дверях показывается кучер.

Дарья. Ты зачем?

Кучер. Свадьбу смотреть.

Дарья. О! мужлан, туда же лезет!

Кучер. А ты что за барыня!

Дарья. Да ты не хайли! Что горло-то распустил?

Кучер. А вы потише, а то неравно испугаюсь.

Дарья. Говорят, пошел вон!

Кучер. Пойду. *(Уходит.)*

Дарья. О! чтоб вас, так бы, кажется!.. *(Уходит.)*

Входят разные лица и смотрят в дверь направо. Между ними две женщины, довольно хорошо одетые, девушка, покрытая платочком, и двое молодых людей в синих чуйках.

Первый молодой человек *(девушке, покрытой платком)*. Позвольте узнать, который жених-с?

Девушка. Вот этот.

Первый молодой человек. Так-с. А где невеста-с?

Девушка. Вот она.

Первый молодой человек. Так-с. А вы далеко живете-с?

Девушка. Не доходя — прошедши.

Первый молодой человек. Я сам оттедова недалечко-с. Позвольте вас проводить.

Девушка. И без вас дорогу знаем.

Второй молодой человек *(первому молодому человеку)*. Что! Налетел с ковшом на брагу! *(Девушке.)* Что вы его слушаете, он у нас уж известный по этим делам. *(К первому.)* Что ты пристаешь, в самом деле! Тут, брат, тебе нечего взять. Ишь, разлетелся! *(Девушке.)* Он наемни из городу одну в Рогожскую провожал, а там его метлой дворник и пугнул; так взад-вперед даром пешком и проходил.

Первый молодой человек. Буде врать-то, любезный!

Второй молодой человек. Что врать-то! Не с твоим, брат, рылом! Ты видишь, барышня какая! Что вы, сударыня, здешние?

Но чтобы вполне познакомить читателя с достоинствами господина Островского, пришлось бы выписать половину всей комедии. Объяснение Марьи Андреевны с Хорьковым, ее прощание с Меричем, представление Беневоленского, все речи Милашина, разговоры свих и старухи Хорьковой с Анной Петровной, наконец свидание Дуни с Беневоленским, — все эти прекрасные места верны как нельзя более и поминутно переносят нас в мир избранный автором «Бедной невесты». Комедия

«останется». Эти два слова можно повторить с полной уверенностью, она останется и всегда будет читаться, хотя во многих отношениях уступает драматическим трудам Гоголя.

По случаю напечатания «Бедной невесты» в «Москвитянине» уже было объявлено, что труды господина Островского, труды необыкновенно высокие и обильные совершенно новым воззрением на жизнь и искусство, составляют *новое слово* в нашей словесности, и нет сомнения, что за этим уверением последуют и доказательства более пространные. Такой энтузиазм по поводу «Бедной невесты» неминуемо возбудит в наших журналах целый рой шуток и насмешек, может быть, и заслуженных, но едва ли уместных. Во всяком случае, преувеличенное восхищение перед истинно замечательным произведением далеко лучше такого же восхищения перед трудами замечательными только в смысле относительного достоинства, а наши жрецы изящного так часто печатно благоговели перед посредственностями, что им можно бы быть посписходительнее к чужому благоговению. Что касается до меня, то, отдавая всю справедливость достоинствам «Бедной невесты», я решительно не вижу в ней никакого *нового слова*, ничего подобного тем новым словам, которые вносили в нашу словесность Пушкин, Грибоедов, Лермонтов и Гоголь. Если господину Островскому и суждено сделать что-нибудь важное для всего хода русской литературы, то это будет сделано, может быть, по прошествии нескольких лет и не с помощью «Бедной невесты». В настоящее время Островский еще подражает Гоголю, подражает ревностно и даже раболепно, подражает очень удачно, но не более! Нового направления он еще не сыскал, нового слова им еще не сказано!

Можно назвать много великих мастеров по всем отраслям искусства, начавших с подражания одному из своих знаменитых предшественников и потом возвысившихся до полной и несомненной самобытности; потому-то стремление господина Островского — подражать манере Гоголя — не есть еще признак безнадежный. Тем не менее, кому не известно, что из всех новых писателей Гоголь всего менее вдохновляет подражателей и дает им всего менее простору: оригинал так полон, свеж, жив в общей памяти, что прибавлять к нему ровно нечего. Есть много поэтов, будто созданных на то, чтоб вводить в беду своих подражателей, и Гоголь из их числа — попробуйте припомнить, сколько романистов, драматургов и нувеллистов бросились по следам автора «Мертвых душ» и только показали свое бессилие, только изнурили себя бесплодною и безобразною копировкою! Конечно, способности автора «Бедной невесты» не обещают такого грустного конца, но мне отчего-то кажется, что и ему, по временам, тоскливо и неловко посреди мира, выводимого им перед читателем. Все эти бранчивые и плаксивые старухи, юноши из породы Хлестакова, глупая и рассуждающая прислуга, свахи и сплетницы, крепкоголовые приобретатели, весь этот «океан житейской пошлости» (употребляя любимое выражение жрецов изящного) способен точно так же надоесть читателю, как надоедали ему когда-то скромные Эрасты и прекрасные Софии, погубить силу писателя, как прежде губили ее Честоны и Правдолюбы. Конечно, на свете много дурных людей и много пошлости, но поминутно гоняться за тем и другим, в ущерб утешительным сторонам, не значит ли принимать часть за целое, а ложь за истину?

Я чрезвычайно далек от пуританизма в литературном деле и очень верю, что пьеса может быть хороша, хотя в ней единственное порядочное лицо — добрый и веселый смех, но если мне начнут представлять целый ряд пьес подобного рода, я соскучусь и, вместе со мной, соскучится публика. Всякий из нас помнит, как еще недавно ни один комик не обходился без статуэток, изображавших оборванных нищих, — многие из этих статуэток были и верны, и прекрасны, но что бы мы сказали, если б скульпторы всей Европы принялись за изображение подобных сюжетов?

Если мы строги к старинной сентиментальности, к пастушкам и пастушкам, к героям во фраках мердуа и с вечными слезами на слезах, то отчего же нам церемониться с писателями, силящимися довести гоголевское направление до его крайних пределов? Если б разные защитники этого направления не лезли из кожи, усиливаясь представить его одним только истинным; если б они не стремились к тому, чтоб создать какой-то свой особенный классицизм, вне которого нет жизни и деятельности писателю, — я не сказал бы о нем ни одного слова: у него и так много противников. Классицизм ревностных толкователей Гоголя едва ли не хуже того классицизма, который сделал так много зла французской словесности и нашей литературе в начале нынешнего столетия: и в том, и в другом мы видим одну и ту же исключительность, одну и ту же нетерпимость, одно и то же стремление — возводить частности в общее правило и ряд случайностей в кодекс непреложных истин! Пусть господин Островский, хоть для шутки, попробует отклониться от того нового классицизма, о котором я сейчас только говорил и о котором я еще поговорю впоследствии; пусть он даст одному из своих следующих произведений счастливый конец, выведет на сцену несколько лиц, глядящих на жизнь с светлой, утешительной и разумной точки зрения, пусть он придаст лицам этим несколько хороших и благородных сторон, — и он увидит, с какими воплями кинутся на него люди, по мере сил своих пытающиеся замкнуть новую словесность в тесный круг своих жалких, односторонних идей, — и обогатить ее стеснительным кодексом своего классицизма! А между тем, подобного рода опыт необходим: из одной пошлости не создастся новое слово в словесности!

А. В. Дружинин

Письмо Иногородного Подписчика о русской журналистике. XXVIII

Впервые: БдЧ. 1852. № 4. Отд. VII. С. 197–235. Публикуемый фрагмент — с. 203–212. Без подписи. Цензурное разрешение — 29.03.1852. Цензор Ю. Е. Шидловский.

Переизд.: Дружинин. Т. 6.

Отрывок из фельетона входит в число наиболее принципиальных и развернутых эстетических деклараций Дружинина начала 1850-х гг. Статья явилась прямым откликом на статью Григорьева «Русская литература в 1851 году», в которой Островский и его «Бедная невеста» были провозглашены «новым словом» в русской словесности. Начав выступать против догматизма эстетических суждений «молодой редакции» в более ранних фельетонах (см. наст. изд.), в настоящей статье Дружинин пытается опровергнуть концепцию Григорьева сразу по двум направлениям. Во-первых, критик предлагает различать абсолютную и относительную ценность в каждом литературном произведении, что должно избавить от крайних вкусовых суждений, с одной стороны, а с другой — историзировать каждый текст, рассмотрев его на фоне других текстов и даже эпох. Эту концепцию Дружинин пытался противопоставить идее «молодой редакции» об абсолютной, вневременной ценности произведения при условии его художественности. Дружинин же предлагал не спешить с объявлением текущих произведений вечными и великими, к каковым, по его мнению, относятся тексты уровня Данте и Шекспира. Во-вторых, Дружинин, не входя в детальную оценку «Бедной невесты», отказывался признать в ней «новое слово», видя лишь подражание Гоголю и развитие гоголевского направления. При этом критик в целом соглашался с Григорьевым в том, что Островский относится к наиболее талантливым писателям своего поколения, а журнальная критика не в состоянии его оценить.

Статья Дружинина вызвала резкий ответ Григорьева (в обзоре «Библиотека для чтения», № 4»). Критик «Москвитянина» заявил об ошибке Дружинина, посчитавшего Островского лишь подражателем Гоголя: «Различные манеры, и главное — взгляда на жизнь нового комика от манеры Гоголя и его взгляда ярко бросается в глаза всякому приступающему к чтению без заданной мысли <...>. Отношение Гоголя к действительности есть, так сказать, трансцендентальное, тогда как отношение автора „Своих людей“ — совершенно прямое» (М. 1852. № 9. Отд. V. С. 45). Вместе с тем Григорьев подчеркнул, что новое слово комика «далеко еще не раскрылось» (Там же).

Из других откликов на фельетон Дружинина следует отметить статью П. Н. Кудрявцева «Русская литература в 1852 году», который писал, что оценка Иногородного Подписчика ничего не добавляет к уже опубликованным разборам, а потому есть бессмысленная трата бумаги (ОЗ. 1853. № 1. Отд. IV. С. 43; без подписи).

С. 236. *Где-то я заметил, что одна из причин безнадежного бессилия нашей новой критики заключается... — Дружинин писал об «относительной ценности» произведений неоднократно. Наиболее развернутое высказывание содержится в «Письме 6» за 1849 г. по поводу «Душеньки» Богдановича, которая в момент выхода казалась всем ценностью абсолютной, но с течением времени становилось понятно, что этот текст имеет лишь относительную ценность (Дружинин. Т. 6. С. 138; впервые: С. 1849. № 9).*

С. 236. *Это-то непонимание относительной ценности ~ в целую пучину ребяческих ошибок... — Намек на критиков «молодой редакции» «Москвитянина», которые, по мнению Дружинина, путают абсолютную и относительную ценность произведений, часто голословно объявляя об абсолютной ценности таких текстов, как «Бедная невеста» Островского.*

С. 236. *...Геркулесовыми столпами человеческой премудрости! — Возможно, намек на Ап. Григорьева, который часто употреблял выражение «Геркулесовы столпы» (см. статью «Русская литература в 1851 году», наст. изд., с. 195).*

С. 237. *...превозносит его наряду с Гомером, Шекспиром и Дантом... — Намек на «Сон по случаю одной комедии» Алмазова (см. наст. изд., с. 137), герой которой «молодой человек» уподобляет талант Островского именно Шекспиру.*

С. 237. *В Москве Островского уже успели, как кажется, поставить выше Шекспира... — См. выше.*

С. 237. *...в Петербурге о нем отзывались тем же тоном, как отзывались недавно о госпоже Тур, авторе романа «Племянница»... — Речь идет о рецензии Тургенева на «Бедную невесту» (С. 1852. № 3), в которой пьеса подверглась критике за недостатки в развитии действия и характеров, за «ложное направление», в которое принял талант драматурга. В еще более критическом тоне была выдержана рецензия Тургенева на роман Е. Тур «Племянница» (С. 1852. № 1).*

С. 237. ...прогуливаться из Скиллы в Харибду, то витая в сообществе мировых поэтов, то опускаясь в лимбы... — Используя образы греческой мифологии (Скилла и Харибда — морские чудища) и католицизма (лимб — место пребывания не попавших ни в рай, ни в ад душ), Дружинин указывал на колебания критики в оценке места Островского в современной литературной иерархии.

С. 240. ...в «Москвитянине» уже было объявлено, что труды господина Островского... — Намек на финал статьи Григорьева «Русская литература в 1851 году» (см. наст. изд., с. 209).

С. 240. Такой энтузиазм по поводу «Бедной невесты» неминуемо возбудит в наших журналах целый рой шуток и насмешек... — Дружинин оказался прав: почти все издания критиковали «Москвитянин» за беспочвенную гиперболизацию таланта Островского (см. наст. изд., с. 648–649).

С. 240. ...попробуйте припомнить, сколько романистов ~ показали свое бессилие, только изнурили себя бесплодно и безобразно копировкою... — Имеются в виду писатели «натуральной школы» 1840-х гг. (В. И. Даль, В. А. Соллогуб, Я. П. Бутков, Ф. М. Достоевский и др. авторы).

С. 240. ...весь этот «океан житейской пошлости» (употребляя любимое выражение жрецов изящного)... — Источник цитаты в статьях «молодой редакции» найти не удалось. Возможно, Дружинин неточно передает слова молодого человека из «Сна по случаю одной комедии», связанные с Гоголем: «...из произведений Гоголя видно, что он человек раздражительный, отличается болезненной ненавистью к людской пошлости и противоречиям, которыми исполнена “наша земная, подчас грустная” жизнь и на которые он так зорок» (наст. изд., с. 183).

С. 240. ...как надоедали ему когда-то скромные Эрасты и прекрасные Софии... — Эраст — частотное для русской сентиментальной и романтической повести имя, герой повестей Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» (1792), «Чувствительный и холодный» (1803), комедии Н. И. Хмельницкого «Шалости влюбленных» (1817), рассказа А. Н. Плещеева «Папироска. Истинное происшествие» (С. 1848. № 1) и др. София — не менее частотное имя в ономастике русской литературы, например, типичное имя положительной героини комедии.

С. 240. ...как прежде губили ее Честоны и Правдолюбы... — Имеются в виду герои-резонеры, выражающие обычно позицию автора, в просветительской комедии конца XVIII в. Честон — герой комедии Я. Б. Княжнина «Хвастун» (1786), Правдолюб — усечение от Правдолюбова, героя комедии В. И. Лукина «Мот, любовию исправленный» (1765).

С. 240. ...хотя в ней единственное порядочное лицо — добрый и веселый смех... — Перифраз из сцены Гоголя «Театральный разъезд» (1842), в котором автор пьесы говорит: «Мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во все время продолжения ее. Это честное, благородное лицо был — смех» (Гоголь. Т. 5. С. 169).

С. 241. ...к героям во фраках мердуа... — Фрак «гусяного помета» (франц. 'merde d'oie') — желто-зеленого цвета с коричневым отливом.

С. 241. ...создать какой-то свой особенный классицизм... — Под классицизмом здесь подразумевается нормативная замкнутая система взглядов. «Классиками» в русской литературной критике часто называли догматически настроенных архаистов (см., например, статью П. А. Вяземского «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», 1824).